

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХСІV.

1894.

І Ю Л Ъ .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Д. М. Позднѣевъ. Вопросы древней исторіи Китая (окончаніе).	1
В. П. Вузецкуль. Ἀθηναίων Πολιτεία Аристотеля, какъ источникъ для исторіи аѳинской демократіи до конца V вѣка до Р. Хр. (продолженіе).	19
И. Н. Ждановъ. Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ и былія „Неразказанный сонъ“	62
Н. А. Любимовъ. Исторія физики (продолженіе).	103

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. П. Никольскій. La Diplomatie Française et la ligue des neutres de 1780 (1776—1783), par Paul Fauchille. Paris. 1893	148
Н. П.-С. А. Пиленко. Международныя литературныя конвенціи. С.-Пб. 1894.	167
Д. Д. Гриницъ. А. М. Гулаевъ. Наемъ услугъ. Юрьевъ. 1893.	172
С. А. Адриановъ. Пермская Старина. Сборникъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Александра Дмитриева. Выпускъ V. Покореніе Угорскихъ земель и Сибири. Пермь. 1894	190
— Книжныя новости	204
И. А. Землятченскій. Нѣкоторыя замѣчанія о трудахъ спеціальной комиссіи по техническому образованію.	1
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	8

ОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Московское Археологическое Общество въ 1893—1894 году.	1
Б. А. Тураевъ. Занятія египтологіею и ассириологіею въ Берлинѣ.	12
Л. М. Воспоминаніе о Н. А. Троекинѣ	26

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. И. Х—къ. Путозовъ (Miles Gloriosus), комедія Плавта (продолженіе).	1
---	---

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1887 года по 1891 годъ	177
--	-----

За редактора С. Платоновъ.

(Вышла 4-го іюля).

мыхъ фактическихъ погрѣшностей, что лишаетъ эту часть его работы всякаго значенія.

Наконецъ, и изложеніе договора найма услугъ по римскому праву страдаетъ весьма существенными недостатками, представляя въ общемъ довольно поверхностную компиляцію; сколько нибудь обстоятельно разработанъ собственно только вопросъ объ отвѣтственности предпринимателя за упущенія его помощниковъ, да и тутъ авторъ высказался за такое разрѣшеніе этого вопроса, которое едва ли можетъ быть признано правильнымъ *de lege lata*. Въ остальномъ онъ даетъ только тѣ свѣдѣнія, которыя успѣли уже войти въ обширную учебную литературу по римскому праву.

Такимъ образомъ, эта работа едва ли можетъ быть признана новымъ вкладомъ въ нашу цивилистическую литературу. Что въ ней вѣрно, то не ново, а немногое новое не выдерживаетъ критики.

Д. Гриммъ.

Пермская Старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. *Александра Дмитриева*. Выпускъ V. Поворотъ Угорскихъ земель и Сивгри. Пермь. 1894.

„Перескакиваніе за предѣлы методическаго познания служить только личному честолюбію и партійнымъ интересамъ. Для науки оно не только бесполезно, но и въ высшей степени вредно. Правда, и этого никто не станетъ отрицать, что и недодѣланныя и ложныя гипотезы могутъ стать плодотворными тѣмъ, что вызываютъ стремленіе къ изслѣдованію. Но въ такомъ случаѣ всякій, кто ими подталкивается впередъ, считаетъ ихъ всегда за то, что онѣ есть, то-есть, за нѣчто проблематичное. Не лучше ли было бы, еслибы авторъ такой гипотезы не выдавалъ ея ни за что другое, еслибы онъ не замалчивалъ ни тѣхъ трудностей, которыя еще не рѣшены, ни иныхъ возможностей. Развѣ утратилась бы отъ этого хотя малая доля той будущей силы, которая свойственна гипотезѣ? Наоборотъ, должно опасаться, что возбужденіе, исходящее отъ него (автора) сведется къ успокоенію его на гипотезахъ и къ дальнѣйшимъ построеніямъ, основаннымъ на нихъ, безъ всякой провѣрки“¹⁾. Эти соображенія о значеніи гипотезъ въ

¹⁾ Слова Германна Пауля, высказанныя имъ въ полемикѣ по вопросу о происхожденіи „Пѣсни о Нибелунгахъ“ (См. „Пѣснь о Нибелунгахъ“, съ средневерхне-нѣмецкаго размѣромъ подлинника перевелъ М. И. Кудряшевъ“. С.-Пб. 1889, стр. 115—116).

наукѣ, высказанныя нѣмецкимъ ученымъ по поводу частнаго вопроса, имѣютъ общее значеніе, и ихъ никогда не слѣдуетъ забывать изслѣдователямъ, имѣющимъ дѣло съ такими историческими фактами, которые еще не установлены прочно и не исключаютъ возможности противорѣчивыхъ мнѣній. Въ такихъ случаяхъ единственный путь къ истинѣ заключается въ томъ, чтобы внимательно прислушаться къ мнѣніямъ различныхъ ученыхъ, взвѣсить тщательно всѣ ихъ доводы и взять изъ каждой гипотезы то, что является въ ней несомнѣннымъ и невыблемымъ. Если добытыхъ такимъ образомъ фактовъ окажется недостаточно для окончательнаго вывода, то въ погонѣ за законченностью изслѣдованія отнюдь не слѣдуетъ увлекаться до такой степени, чтобы гадательное называть несомнѣннымъ,—иѣтъ, а необходимо тщательно отдѣлять строго фактическую часть работы отъ той, гдѣ начинаются уже догадки и, строя предположенія, откровенно указывать соображенія не только въ пользу этихъ предположеній, но и противъ нихъ. Только при такомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу и можно ожидать, если не сразу, то хотя бы въ далекомъ будущемъ положительныхъ результатовъ: выставленные на видъ недоумѣнія привлекутъ вниманіе другихъ тружениковъ науки, которые, можетъ быть, будутъ счастливѣе и съумѣютъ найти новые факты и доводы, достаточно сильные, чтобы рѣшить вопросъ безповоротно. Наоборотъ, замалчиваніе затрудненій только тормозитъ дѣло достиженія научной истины. Поэтому, когда какой-нибудь изслѣдователь, увлекшись предвзятой мыслью, станетъ внушать, что его гипотеза—не гипотеза, а строго-научный выводъ, то критика обязана возстать противъ такой неправды и напомнить про умышленно или неумышленно забытые авторомъ спорные пункты. Эти именно соображенія и руководили мной, когда я писалъ рецензію на IV-й выпускъ „Пермской Старины“. Дѣло въ томъ, что взглядъ г. Дмитриева на роль Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири, при настоящемъ состояніи вопроса, есть не болѣе, какъ гипотеза, можетъ быть и справедливая, но все же гипотеза, такъ какъ она, во-первыхъ, зиждется на фактахъ, очевидность которыхъ еще не доказана, а во-вторыхъ, не даетъ удовлетворительнаго объясненія всѣмъ извѣстнымъ намъ фактамъ. Однако г. Дмитриевъ не усумнился провозгласить свое мнѣніе единственно возможнымъ, оставивъ безъ надлежащаго вниманія цѣлый рядъ довольно вѣскихъ фактовъ и соображеній, идущихъ противъ него. Вотъ эта-то излишняя догматичность г. Дмитриева и смутила меня, и я счелъ необходимымъ напомнить про воз-

раженія, забытыя имъ, въ виду того, чтобы вопросъ, въ сущности еще мало разслѣдованный, не показался достаточно уже исчерпаннымъ. Но въ трудѣ г. Дмитриева есть и еще одинъ капитальный недостатокъ. „Пермская Старина“ есть многотомный трудъ, посвященный довольно специальной и узкой темѣ, а отъ такого труда мы въ правѣ требовать, чтобы онъ былъ по возможности деталенъ, то-есть, не оставлялъ безъ должнаго разсмотрѣнія ни одного факта, входящаго въ его сферу. Еще болѣе въ правѣ мы желать, чтобы авторъ пристально изучилъ источники, по которымъ работаетъ, и по возможности, далъ всестороннюю и цѣльную критическую оцѣнку ихъ. Но и этого въ „Пермской Старинѣ“ мы не находимъ. Авторъ не входитъ въ детальное разсмотрѣніе сибирскихъ лѣтописей, не опредѣляетъ времени ихъ составленія, отношенія между ними, степени достоверности каждой изъ нихъ, а поэтому, конечно, и не имѣетъ подъ ногами твердой почвы, принимая или отвергая свидѣтельства той или другой лѣтописи. Вотъ эти два недостатка г. Дмитриева—излишняя догматичность и поверхностное отношеніе къ источникамъ—и побудили меня выступить со своей рецензіей, которая, сообразно съ вышесказаннымъ, преслѣдовала двѣ цѣли: во-первыхъ, показать, что сибирскій вопросъ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ, а во-вторыхъ, хотя бы отчасти пополнить пробѣлъ въ трудѣ г. Дмитриева, высказавъ тѣ наблюденія надъ сибирскими лѣтописями, которыя накопились у меня. Для достиженія первой цѣли я выставилъ противъ гипотезы г. Дмитриева другую гипотезу, противоположную, которая, правда, по существу далеко уже не нова, по которой я считалъ необходимымъ отчасти видоизмѣнить и подкрѣпить новыми фактами и соображеніями. Такимъ образомъ, я имѣлъ въ виду выставить только „будущую гипотезу“, то-есть, предположеніе, которое я, считая его не менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ мнѣніе, защищаемое г. Дмитриевымъ, однако не рѣшусь безапелляціонно назвать послѣднимъ и окончательнымъ словомъ науки,—нѣтъ, при дальнѣйшей разработкѣ сибирскаго вопроса я могу оказаться совершенно неправымъ; тѣмъ не менѣе и въ такомъ даже случаѣ моя гипотеза можетъ оказаться нелишней, такъ какъ заставитъ сторонниковъ истиннаго мнѣнія высказать болѣе вѣскіе доводы въ свою пользу, и такимъ образомъ истина сдѣлается очевиднѣе и неузавимѣе, чѣмъ при настоящемъ положеніи дѣлъ. Вотъ и все значеніе, какое я придавалъ своей рецензіи. Г. Дмитриевъ взглянулъ на дѣло совершенно неожиданно и, совершенно ошибочно приписавъ моей статейкѣ слишкомъ боль-

шой вѣсь, въ отвѣтъ на нее составилъ большую статью, которая и была помѣщена въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ, а затѣмъ перепечатана цѣликомъ въ V выпускѣ „Пермской Старины“. Въ ней г. Дмитриевъ обвиняетъ меня въ односторонности, натяжкахъ и въ другихъ ненаучныхъ поступкахъ. Оставляя въ сторонѣ такіе знаки огорченія со стороны г. Дмитриева, я перейду прямо къ дѣлу и постараюсь выяснитъ, на сколько и въ какую сторону подвинуть сибирскій вопросъ послѣднимъ трудомъ пермскаго ученаго.

Есть два способа отстоять свое мнѣніе, когда появляются возраженія со стороны противниковъ: либо шагъ за шагомъ прослѣдить и разбить доводы противниковъ, доказавъ ихъ внутреннюю несостоятельность, либо ввести въ научный оборотъ новые факты и источники, совершенно опровергающіе мнѣніе противнаго лагеря. Г. Дмитриевъ пробуетъ дѣйствовать и тѣмъ и другимъ оружіемъ. Такъ, онъ указываетъ на новый источникъ, повѣствующій о покореніи Сибири, именно, на „Сказаніе Сибирской земли“, открытое самимъ г. Дмитриевымъ, о чемъ онъ неоднократно сообщаетъ въ V выпускѣ „Пермской Старины“ (см., напримѣръ, стр. 137, 143, 209). Это сказаніе онъ считаетъ очень важнымъ источникомъ и относитъ его „къ недалекому отъ 1633 года времени, никакъ не позднѣйшему второй половины XVII вѣка“. Подобное опредѣленіе не можетъ похвалиться точностью: оно позволяетъ считать „Сказаніе“ написаннымъ и въ 1633 и въ 1700 году, а это большая разница. Если этотъ памятникъ появился въ 1633 году, то его можно считать древнѣйшею изъ всѣхъ сибирскихъ лѣтописей, а, слѣдовательно, и заслуживающею исключительнаго вниманія; наоборотъ, если „Сказаніе“ написано около 1700 года, то оно становится источникомъ третьеразряднымъ, ибо по необходимости должно быть составлено по какимъ-нибудь другимъ, можетъ быть, уже извѣстнымъ лѣтописямъ. Слѣдовательно, во второмъ случаѣ для опредѣленія истинной цѣнности „Сказанія“ необходимо указать его источники. Но этого мало. Посмотримъ, на какомъ основаніи г. Дмитриевъ относитъ открытый имъ источникъ именно къ указанному періоду. Такихъ основаній два. Впервыхъ, г. Дмитриевъ ссылается на слѣдующее мѣсто сказанія: „И даже (Ермакъ) до рѣки Вагая, вверхъ дошелъ до урочища, идеже нынѣ поставленъ Абатской острогъ“. П. А. Словцовъ въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири“ сообщаетъ, что Абатской острогъ на Вагаѣ основанъ въ 1633 году. Отсюда выводъ, что „Сказаніе“ написано въ недалекое отъ 1633 года

время. Но вѣдь слова „нынѣ поставленъ“ могутъ быть истолкованы не только въ смыслѣ „недавно, или на моей памяти поставленъ“, но и въ смыслѣ „нынѣ *стоитъ*“, а при такомъ толкованіи выводъ г. Дмитріева самъ собой рушится. Повторныхъ составитель „Сказанія“ на Вагаѣ засталъ еще старожиловъ, помнившихъ свое происхождение отъ татаръ „Махметова закону“, „Золотой Орды Сибирскаго Царства“, а это опять свидѣтельствуетъ объ относительной древности „Сказанія“ (стр. 211). Ничуть не свидѣтельствуетъ. Неужели память о былой независимости не пережила въ средѣ татаръ и одного вѣка? Вотъ и самое мѣсто, которое имѣеть въ виду г. Дмитріевъ: „Тогда же изыскано отъ древнихъ иноземцовъ, отколѣ начаше зватися Сибирскіе языки; въ ней старожилаы и понынѣ, тѣхъ роду иноземцы, обрѣтаются на рѣкѣ Вагаѣ, отъ Тобольска во сто верстъ; которые жиша татары Махметова закону, царь именовъ Она, и звашася Золотою Ордою. Его же татаринъ державы людей царь именовъ Чингиди (Чингиди?), человекъ богатъ и сильный богатырь, прибравъ себѣ сверстниковъ и приде на страну и донынѣ звашеся Сибирью“. Это мѣсто, довольно темное и запутанное, находится, повидимому, въ зависимости отъ слѣдующихъ строкъ Осиповской лѣтописи: „Татаровъ законъ моаметовъ... На рѣцѣ Ишимѣ бѣ царь моаметова закона, именовъ Онъ. И возста на него его же державы отъ простыхъ людей именовъ Чингій, и шедъ на него яко разбойникъ съ протчими, и царя Она уби, и царство самъ Чингій приелеть... Маметъ (внукъ Мара, правнука Она) постави себѣ градъ на рѣкѣ Иртышѣ, и назва его градъ Сибирь, сирѣчь начальный... Оттолѣ же и вся страна прозвася Сибирь“¹⁾. Очевидно, ясное извѣстіе Осиповской лѣтописи должно было пройти не черезъ однѣ невѣжественныя руки, прежде чѣмъ появиться въ совершенно искаженномъ видѣ въ „Сказаніи“. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ „Сказаніе“ врядъ-ли самостоятелно. Да и наконецъ, задался-ли г. Дмитріевъ вопросомъ, кто приблизительно могъ быть авторомъ вновь открытаго источника? Нѣтъ; а между тѣмъ это довольно важно. Въ самомъ дѣлѣ, свидѣтельства „Сказанія“ о татарахъ, живущихъ по Вагаю и объ Атбашскомъ острогѣ могутъ имѣть желательное для г. Дмитріева значеніе только въ томъ случаѣ, когда авторъ „Сказанія“ — сибирякъ, самъ видѣвшій вагайскихъ татаръ и помнящій основаніе острога; въ противномъ случаѣ объ фразы должны

¹⁾ Цитирую по книгѣ Небольсина: „Покореніе Сибиря“, стр. 4, 10 и 14 („Сибирскія лѣтописи“).

быть имъ заимствованы изъ какого-нибудь другаго источника, можетъ быть и стариннаго, но ужъ, конечно, это обстоятельство не даетъ намъ никакой возможности судить о древности самого „Сказанія“. А несомнѣнно, что авторъ не только не сибирякъ, но и плохо знакомъ съ Сибирью и ея прошлымъ: онъ путаетъ Сибирское царство съ Золотой Ордой, Обь называетъ Обвой, остяцкій городокъ Назимъ называетъ Назарнымъ и т. п.; съ татарами онъ, очевидно, тоже незнакомъ, иначе онъ не передѣлалъ бы распространеннаго магометанскаго имени Алей въ христіанское Алексѣй. Слѣдовательно, извѣстія и о вагайскихъ татарахъ, и объ Атбашскомъ острогѣ заимствованы авторомъ „Сказанія“ изъ какого-то другаго источника и никакой роли въ вопросѣ о времени составленія этого памятника играть не могутъ. Гораздо болѣе значенія въ этомъ вопросѣ имѣетъ языкъ „Сказанія“, который представляетъ неумѣлую и подчасъ нелѣпую поддѣлку подъ славянскій. Возьмемъ для примѣра такія выраженія: „усвоеволннлся противностію его царскому величеству, принявъ себѣ весьма безгласное отчаяніе (?), разбойникъ... животь ихъ пограбиша, сына котораго изгналъ Кучумъ“ и т. п. Отъ послѣдней фразы пахнетъ даже и не второй половиной XVII вѣка, а эпохой болѣе поздней; а между тѣмъ все „Сказаніе“ написано именно такимъ смѣшаннымъ языкомъ, который заставляетъ видѣть въ немъ неискусную поддѣлку книжника прошлаго вѣка подъ языкъ XVII столѣтія. А если это такъ, то напрасно г. Дмитріевъ придалъ такое важное значеніе своей находкѣ: она должна отступить на задній планъ передъ болѣе древними лѣтописями. Впрочемъ, и самъ г. Дмитріевъ довольно странно относится къ „Сказанію“: онъ совершенно произвольно пользуется одними извѣстіями этого памятника и столь же произвольно отрицаетъ другія. Примѣры такого страннаго отношенія къ источникамъ придется еще указать ниже. Такимъ образомъ довѣріе къ новооткрытому „Сказанію Сибирской земли“ подрываетъ отчасти самъ открывшій его.

Перейдемъ къ другому новому факту, сообщаемому г. Дмитріевымъ. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ вещественнымъ памятникомъ. Это—старинный ружейный стволъ съ надписью на немъ, вылитой славянскими литерами: „въ градѣ Кергеданѣ на рѣцѣ Камѣ дарю я, Максѣмъ Яковлевъ сынъ Строгановъ, атаману Ермаку лѣта 7090“. Этотъ стволъ хранится въ домѣ графовъ Строгановыхъ въ Петербургѣ. „Что же скажутъ противъ всего этого тѣ историки, которые отвергаютъ всякое участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири? Вѣроятно, они будутъ стараться доказать, что и приведенная надпись

на старинномъ ружейномъ стволѣ есть не болѣе, какъ поддѣлка позднѣйшаго времени“ (стр. 145). Не смотря на угрожающій тонъ этихъ строкъ, я все-таки не могу счесть сей стволъ орудіемъ достаточно сильнымъ для того, чтобы окончательно сокрушить „крайнихъ скептиковъ“. Вѣдь всеѣмъ извѣстна страсть нашего барства къ фамильнымъ древностямъ; извѣстно также, что въ погонѣ за подобными древностями нерѣдко прибѣгали къ поддѣлкамъ. Но пресловутый стволъ станетъ еще подозрительнѣе, когда мы припомнимъ, что Ермакъ выступилъ изъ Строгановскихъ земель какъ разъ въ день новаго года, 1-го сентября 1790 года. Значитъ, судя по датѣ на стволѣ, ружье было подарено знаменитому атаману въ самый день его выступления въ походъ. Надпись *емита*, а не выгравирована, слѣдовательно, день выступления Ермака въ точности былъ извѣстенъ еще задолго до похода, потому что въ Строгановскихъ владѣніяхъ оружейныхъ заводовъ не было, заказывать стволъ приходилось далеко, а при тогдашнихъ путяхъ сообщенія и при медленности работы заказъ долженъ былъ быть сдѣланъ весьма заблаговременно; для того же, чтобы надпись была *емита* на стволѣ, ее надо было сообщить при самомъ заказѣ. Право, такая предусмотрительность и пунктуальная точность (за полгода знали не только день, но и мѣсто, гдѣ произойдетъ подношеніе) не можетъ не быть подозрительной. Итакъ, стволъ оказывается также недостаточно вѣскимъ доводомъ.

Наконецъ, говоритъ г. Дмитріевъ, „за всеѣмъ этимъ въ Пермскомъ краѣ живы еще народныя преданія о связи Ермака со Строгановыми. Тутъ какъ быть крайнимъ скептикамъ?“ (стр. 149). Но какія же это преданія и на сколько они заслуживаютъ вѣры? Г. Дмитріевъ ихъ не приводитъ, а, слѣдовательно, и разговаривать о нихъ пока не приходится.

Такимъ образомъ изъ трехъ орудій, которыя вновь привлекъ къ дѣлу г. Дмитріевъ, ни одно не выдерживаетъ серьезной критики, а потому совершенно напрасно думаетъ пермскій ученый, „что въ виду всего сказаннаго упорный скептицизмъ долженъ до нѣкоторой степени поколебаться“. Нѣтъ, скептицизмъ не чувствуетъ себя разбитымъ.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію того, какимъ образомъ г. Дмитріевъ опровергаетъ соображенія, высказанныя мною противъ его теоріи въ рецензіи на IV выпускъ „Пермской Старины“.

Справедливость заставляетъ сознаться, что пермскій ученый отнесся къ моей статейкѣ не всеѣмъ отрицательно: онъ признаетъ справедливость тѣхъ моихъ выводовъ, которымъ я самъ придаю на-

и большее значение. Для того, чтобы построить прочное историческое здание, необходимо въ основу его положить источники, достоверность которыхъ вполне доказана, а въ противномъ случаѣ, вся хранина окажется созданною на пескѣ, и достаточно будетъ легкаго прикосновенія критики, чтобы вся она превратилась въ развалины. До сихъ поръ сибирскій вопросъ оставался спорнымъ и не подвигался ни на шагъ впередъ именно потому, что всѣ ученые, касавшіеся его, очень мало удѣляли вниманія критической оцѣнкѣ источниковъ, на которые опирались. При такомъ положеніи вещей споръ могъ длиться до бесконечности, и единственнымъ выходомъ изъ этого заколдованнаго круга мнѣ казалось розысканіе о достоверности сибирскихъ лѣтописей. Такъ какъ г. Дмитріевъ, подобно прочимъ своимъ предшественникамъ, весьма поверхностно отнесся къ этой задачѣ, очевидно, не понимая всей ея важности, то я счелъ долгомъ хотя-бы отчасти пополнить пробѣлъ въ его трудѣ и указать тотъ путь, который одинъ только можетъ привести къ прочнымъ выводамъ. Въ своей рецензіи я разобралъ лѣтописи Строгановскую и Осиповскую и высказалъ нѣсколько соображеній касательно Ремезовской, при чемъ не скрылъ, что послѣдній источникъ требуетъ еще много усилій, пока возможно будетъ дать правильную его оцѣнку. Тщательный разборъ Ремезовской лѣтописи и является въ настоящее время очередною работою, раньше которой сибирскій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ окончательно. Г. Дмитріевъ принимаетъ мои выводы относительно происхожденія Осиповской и Строгановской лѣтописей и даже съ удовольствіемъ пользуется моимъ положеніемъ касательно великопермскаго происхожденія послѣдней: этотъ выводъ кажется г. Дмитріеву очень важнымъ и плодотворнымъ. Ужь одно это обстоятельство могло бы убѣдить пермскаго ученаго въ томъ, что критика лѣтописей вовсе не есть такое пустое дѣло, которымъ не стоитъ заниматься, что, наоборотъ, оно положительно необходимо; однако г. Дмитріевъ и послѣ моей рецензіи не измѣнилъ своихъ критическихъ приемовъ: обильно черпая факты изъ Ремезовской лѣтописи, онъ не даетъ всесторонней ея оцѣнки; столь же поверхностно, какъ мы уже видѣли, отнесся онъ и къ „Сказанію Сибирской земли“. Результатомъ такой поверхностности является совершенно произвольное довѣріе къ однимъ извѣстіямъ и столь же произвольное отрицаніе другихъ, почерпнутыхъ изъ одного и того же источника. Такъ „Сказаніе“ приписываетъ походъ въ Сибирь Ермаку, а не Строгановымъ. Г. Дмитріевъ отвергаетъ это свидѣтельство и больше

вѣрить Строгановской лѣтописи. какъ мѣстной Великопермской, составитель которой гораздо лучше другихъ лѣтописцевъ долженъ былъ знать все, что случилось въ Пермскомъ краю. Но рядомъ съ этимъ г. Дмитріевъ, вслѣдъ за Небольсинимъ и мной, не довѣряетъ извѣстію Строгановской лѣтописи о томъ, что Строгановы дали Ермаку непомогательный отрядъ въ 300 челопѣкъ, а предпочитаетъ слова „Сказанія“, которое сообщаетъ, что Ермакъ набралъ въ земляхъ Строгановыхъ всего 154 челопѣка. Это крупный промахъ. Вѣдь Строгановская лѣтопись есть мѣстная Великопермская. по мнѣнію г. Дмитріева эта лѣтопись вполне вѣрно и правдиво передаетъ все, происходившее по сю сторону Урала; какъ же она исказила такой крупный фактъ и изъ 154 челопѣкъ сдѣлала 300? Значить, эта лѣтопись неточно передаетъ факты, случившіеся и въ Пермскомъ краю, а слѣдовательно, и не заслуживаетъ того исключительнаго довѣрія, которымъ ее даритъ г. Дмитріевъ. Но этого мало. Въ рецензіи на IV выпускъ „Пермской Старины“ (стр. 545—546) я указалъ на соображенія, не позволяющія допустить, чтобы Строгановы дали Ермаку хоть малую помощь, а г. Дмитріевъ, ни словомъ не упомянувъ о моихъ доказательствахъ и, не опровергнувъ ихъ, почему-то на слово вѣрить „Сказанію“, памятнику поздняго происхожденія и сомнительной достовѣрности.

Г. Дмитріевъ признаетъ и другую погрѣшность Строгановской лѣтописи: Ермакъ не посылалъ Строгановымъ извѣщенія о покореніи Сибири, какъ свидѣтельствуетъ этотъ источникъ. А вѣдь это опять такой фактъ, который долженъ быть хорошо извѣстенъ въ Перми; и вотъ неизвѣстный авторъ Строгановской лѣтописи вторично попадаетъ въ завѣдомо ложномъ свидѣтельствѣ, да еще подтверждаетъ свое показаніе ссылкой на царскую грамоту, никогда не существовавшую. Последнее обстоятельство явно показываетъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ простой ошибкой, а съ умышленнымъ искаженіемъ исторической правды изъ какихъ то постороннихъ соображеній. Итакъ оказывается несомнѣннымъ, что Строгановская лѣтопись въ двухъ случаяхъ сообщаетъ факты, которыхъ въ дѣйствительности не было, и при томъ въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о событіяхъ, происходившихъ по сю сторону Урала. Такимъ образомъ рушится увѣреніе г. Дмитріева, что Строгановская лѣтопись является надежнымъ источникомъ для фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ Пермскомъ краѣ, и, наоборотъ, мое мнѣніе о подозрительности этого источника и пристрастія его къ Строгановымъ остается неопровергнутымъ, ибо, по-

лагаю, источникъ, два раза уличенный въ тенденціозномъ искаженіи фактовъ, не безъ основанія можетъ быть заподозрѣнъ и въ дальнѣйшемъ „вымысленіи“. Но если г. Дмитріеву не удалась реабилитация Строгановской лѣтописи, то, можетъ быть, онъ съ большимъ успѣхомъ подорвалъ наше довѣріе къ Осиповской? Отнюдь нѣтъ. Единственная причина, по которой онъ въ вопросѣ о призваніи Ермака предпочитаетъ первый источникъ второму, заключается въ томъ, что авторъ Строгановской лѣтописи жилъ въ Перми и, слѣдовательно, долженъ хорошо знать все, тамъ происходившее, а Осиповъ жилъ въ Тобольскѣ и не зналъ пермскихъ событій. Но, возразимъ мы, можетъ быть, пермскій лѣтописецъ дѣйствительно хорошо зналъ, какъ попалъ Ермакъ въ Пермь, однако, какъ мы только-что видѣли, могъ и невѣрно передать событія; съ другой стороны, Осиповъ, хотя и жилъ въ Тобольскѣ, но писалъ свою лѣтопись по показаніямъ участниковъ Ермакова похода, а потому никакъ не могъ не знать о всѣхъ фактахъ этого похода, какъ случившихся въ Перми, такъ и происходившихъ за Ураломъ. Поэтому, если Осиповъ ничего не говоритъ о Строгановыхъ и даже изъ цифры сподвижниковъ Ермака исключаетъ тѣхъ 300 человекъ, которые даны были атаману солеварами, то это умолчаніе происходитъ не по незнанію, а умышленно. Весь вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, кто отступилъ отъ истины—Строгановская лѣтопись, или Осиповъ. Но если причины, по которымъ погрѣшила противъ исторической правды Строгановская лѣтопись, ясны, если вообще есть основаніе заподозрѣвать ея правдивость, то ничего подобнаго про Осиповскую лѣтопись сказать нельзя, а, слѣдовательно, ясно, которому источнику мы должны отдать предпочтеніе. Пусть г. Дмитріевъ объяснитъ, почему могъ Осиповъ замалчивать участіе Строгановыхъ въ Ермаковомъ походѣ, и тогда одно изъ самыхъ вѣскихъ возраженій противъ его гипотезы будетъ устранено, а пока мы рѣшительно не видимъ, въ силу какихъ соображеній Строгановская лѣтопись должна рассчитывать на большее наше довѣріе, чѣмъ Осиповская.

Правда, согласно со Строгановской лѣтописью рисуется событія и царская грамота Строгановымъ отъ 16-го ноября 1582 г. Это вѣскій фактъ въ пользу теоріи г. Дмитріева. Но вѣдь я зналъ этотъ фактъ и въ своей рецензій старался показать, что онъ вовсе не такъ неопровержимъ, какъ думаютъ сторонники Строгановской лѣтописи. Вѣдь эта грамота основана на донесеніи воеводы Пеленелыцкаго, а мы знаемъ, какъ далеки отъ истины бываютъ подчасъ донесенія изъ

охранѣ центральному правительству даже и теперь, а не только въ XVI вѣкѣ. Г. Дмитріевъ однако съ укоризной говорить, что основанія, которыя я указалъ для отрицанія правдивости этой грамоты, придуманы мной съ предвзятой цѣлью. Но вѣдь, во первыхъ, безъ цѣли никто ничего не придумываетъ, а во вторыхъ, и самое придумываніе въ данномъ случаѣ вовсе не является чѣмъ-либо заслуживающимъ укора: въ томъ-то и отличіе гипотезы отъ точнаго построенія, что къ ней приходится прибѣгать, когда извѣстные намъ факты недостаточны для прочнаго вывода, когда далеко не все ясно, а отсюда понятно, что по существу своему гипотеза неразлучна съ придумываніемъ. Еслибы мое мнѣніе строго логически вытекало изъ фактовъ, то оно было-бы не гипотезой, а очевидной истиной, на что я однако не претендую. Изучая противорѣчивыя показанія источниковъ о роли Строгановыхъ въ покореніи Сибири, я былъ поставленъ въ необходимость заподозрить правдивость либо Саввы Осипова, либо Пелепицына. Не смотря на всѣ усилія мысли, я никакъ не могъ придумать причины, руководясь которой Осиповъ замалчиваетъ участіе пермскихъ солеваровъ въ походѣ Ермака, и наоборотъ, мнѣ казалось, что есть причины заподозрить въ уклоненіи отъ истины чердынскаго воеводу. Пусть г. Дмитріевъ поможетъ мнѣ въ этой работѣ, пусть онъ, вмѣсто риторическихъ фигуръ попрошенія и восклицанія, займется разборомъ Осиповской лѣтописи и *придумаетъ* удовлетворительное основаніе для подозрѣнія архіепископскаго дьяка въ искаженіи истины. Тогда я первый съ удовольствіемъ признаю правдивость Пелепицына, если только,—напоминаю еще разъ,—предварительно будетъ поконченъ вопросъ о Ремезовской лѣтописи, то-есть, будетъ показано, изъ какихъ источниковъ почерпнула она свой разказъ о пребываніи Ермака въ Пермскомъ краю, и будетъ доказано, что и эти источники говорятъ неправду. Такимъ образомъ мы опять приходимъ къ такому выводу, что ученые, желающіе подвинуть впередъ Сибирскій вопросъ, должны прежде всего заняться критикой лѣтописей—Осиповской и Ремезовской.

Я врядъ-ли ошибусь, если скажу, что вышесказаннаго достаточно, чтобы видѣть, сколь мало удалось г. Дмитріеву опровергнуть соображенія, высказанныя мной противъ его теоріи въ рецензіи на IV выпускъ „Пермской Старины“. Если припомнимъ, что, какъ доказано мной выше, и новыя данныя, приведенныя г. Дмитріевымъ въ защиту своей теоріи, оказываются также шаткими, то, думаю, я буду имѣть право утверждать, что послѣдній

трудъ пермскаго ученаго отнюдь не опровергъ окончательно подерживаемой мной гипотезы и не защитилъ, какъ слѣдуетъ, своей. Произошло это оттого, что я кладу въ основаніе моего построенія выводы, полученные изъ детальнаго изученія лѣтописей, а г. Дмитриевъ больше основывается на общемъ ходѣ и смыслѣ событій и смотритъ на источники не прямо, а подъ извѣстнымъ угломъ.

Теперь я долженъ поднять ту перчатку, которую бросилъ мнѣ г. Дмитриевъ въ V-мъ выпускѣ „Пермской Старинны“. Онъ ставитъ на стр. 158 три дилеммы, которыя и предлагаетъ мнѣ удовлетворительно рѣшить „безъ натяжекъ, на основаніи всей совокупности источниковъ“; если я исполню эту задачу, то г. Дмитриевъ обѣщается перейти на мою сторону, сознавъ свою ошибку. Съ удовольствіемъ принимаю вызовъ и приступаю къ рѣшенію „трехъ основныхъ дилеммъ въ вопросѣ о покореніи Сибири“.

Дилемма № 1. „Если Пелепелицынъ наклеветалъ на Строгановыхъ въ своей челобитной царю, будто они признали Ермака, царь же повѣрилъ клеветѣ и сдѣлалъ ошибку въ грамотѣ 1582 г., повторенную затѣмъ въ послѣдующихъ царскихъ грамотахъ; то почему Строгановы съ своей стороны не жаловались царю на Пелепелицына за то, что онъ допустилъ казаковъ безнаказанно разбойничать въ вотчинахъ Строгановыхъ, по словамъ Ремезова; допустилъ задиранія ихъ съ сосѣдними инородцами, которые все это и выместили жестоко на злополучной Перми тотчасъ по уходѣ казаковъ: клевета съ одной стороны и благодарность за нее съ другой — немислимы“. Рѣшеніе дилеммы № 1. Успѣхъ Ермака выяснился очень скоро, и Строгановымъ было уже невыгодно оправдываться и отказываться отъ всякой связи съ удалымъ атаманомъ: вѣдь еслибы Сибирь дѣйствительно была покорена людьми Строгановыхъ, то по всей справедливости она должна была бы принадлежать именитымъ солеварамъ. А это былъ такой лакомый кусочекъ, что ради него можно было признать справедливымъ обвиненіе въ связи съ воровскими казаками, тѣмъ болѣе, что это была вина, которую, въ случаѣ успѣха, легко простили бы въ Москвѣ. Такимъ образомъ крупная выгода, простой матеріальный расчетъ, столь нечуждый вообще Строгановымъ, заставилъ ихъ держаться тактики, по мнѣнію г. Дмитриева, немислимой.

Дилемма № 2. „Если Пелепелицынъ завѣдомо по злобѣ сказалъ царю ложь про Строгановыхъ, представивъ ихъ измѣнниками, то почему же Строгановы не приняли никакихъ мѣръ къ оправданію себя въ глазахъ царя, при посредствѣ хотя бы того же князя Елецкаго,

какъ недавняго свидѣтеля всего происходившаго, только что вернувшись изъ Перми въ Москву, или самихъ казацкихъ атамановъ, вскорѣ получившихъ царское прощенье, а съ нимъ и довѣріе: клевета съ одной стороны и молчаніе праваго съ другой, особенно предъ лицомъ царя,—несовмѣстимы“. Рѣшеніе дилеммы № 2, которая, въ сущности равнозначуща съ предыдущей, очевидно, будетъ такое-же, какъ и рѣшеніе дилеммы № 1.

Дилемма № 3. „Если весь сибирскій походъ былъ дѣломъ самихъ казаковъ, безъ всякаго участія Строгановыхъ (по Есипову), и даже съ ущербомъ для нихъ (по Ремезову). то почему Строгановы, ранѣе проявившіе на Камѣ и Чусовой такую энергію и предпринимчивость, безропотно отказались отъ всѣхъ правъ на данныя имъ обширныя земли въ Сибири, коихъ свободно хватило бы и на ихъ долю по завоеваніи страны казаками; отказались отъ этого богатства, лежавшаго подъ ихъ ногами, при тѣхъ широкихъ льготахъ, какія представляла имъ грамота 1574 года, почти списанная съ такихъ же грамотъ на земли по Камѣ (1558 года) и Чусовой (1568 года): бить самого себя человѣку несвойственно“. Рѣшеніе дилеммы № 3. „Бить самого себя человѣку несвойственно“, а между тѣмъ въ третьей дилеммѣ г. Дмитріевъ именно это и дѣлаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мысль, высказанная въ этой дилеммѣ, служить однимъ изъ сильныхъ доводовъ противъ сторонниковъ Строгановской лѣтописи, и совершенно непонятно, почему г. Дмитріевъ думаетъ, будто она подкрѣпляетъ его теорію. Вѣдь царская грамота отъ 30-го мая 1574 года отдавала въ руки Строгановыхъ весь бассейнъ Тобола съ правомъ строить крѣпости также „на Иртышѣ и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится“, съ правомъ „на Сибирсково охочихъ людей послати воевати и въ полонъ Сибирцовъ имати“. Цѣль этого пожалованія очевидна: Москва желала присоединить къ своимъ владѣніямъ Сибирь, но своихъ силъ тратить на покореніе этой области не хотѣла. И вотъ царь отдалъ Зауралье во владѣніе Строгановымъ съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они сами и покорили эту страну. Ясно, слѣдовательно, что, еслибы Сибирь была завоевана строгановскими наемниками, то она и стала бы ихъ вотчиной. Но въ томъ-то и дѣло, что она завоевана не Строгановыми, и даже не Ермакомъ, а царскими воеводами. Значитъ, Строгановы не выполнили условія, на которомъ имъ была дарована Сибирь, и поэтому ихъ прапа на Зауралье уничтожились: Сибирь стала вотчиной великаго государя Московскаго. Вотъ почему пермскимъ солеварамъ и не уда-

лось эксплуатировать сѣверно-азиатскій пустырь, хотя они и имѣли на него притязанія не только въ XVII, но и въ XVIII столѣтїи, какъ показываетъ просьба Александра Строганова, приведенная у г. Новокрещенныхъ ¹⁾.

Итакъ, всѣ три дилеммы, выставленныя г. Дмитриевымъ, разрѣшаются очень просто, безъ всякихъ натяжекъ и для рѣшенія ихъ даже не приходится опираться „на всю совокупность источниковъ“. а достаточно одной здравой логики. Г. Дмитриеву остается только исполнить свое обѣщаніе и стать на мою сторону. Но я на это не претендую: вопросъ еще не рѣшенъ и не можетъ быть поставленъ столь легкомысленно въ зависимость отъ отвѣта на три пустыя дилеммы. Сначала надо хорошенько разработать источники, а тогда уже только станетъ ясно, какая гипотеза справедливѣе.

Въ заключеніе считаю необходимымъ извиниться за безсодержательность настоящей моей рецензїи: она почти вся состоитъ либо изъ азбучныхъ истинъ, либо изъ повтореній сказаннаго уже въ рецензїи на предыдущій выпускъ „Пермской Старины“. Но г. Дмитриевъ самъ къ тому вынуждаетъ: онъ слишкомъ мало обращаетъ вниманія какъ на азбучныя требованія научнаго метода, такъ и на возраженія противниковъ, а потому ставитъ въ необходимость напоминать ему и то, и другое. Вслѣдствіе такой невнимательности г. Дмитриева разрабатываемый вопросъ ни на шагъ не подвигается впередъ, и только въ томъ случаѣ, когда мой антагонистъ измѣнитъ свою тактику, можно будетъ рано или поздно ожидать окончательнаго разрѣшенія сибирскаго вопроса—единственное, къ чему я стремлюсь, независимо отъ того, совпадетъ или нѣтъ истина съ защищаемымъ мною мнѣніемъ.

С. Адриановъ.

¹⁾ Я дѣйствительно съ удовольствіемъ ссылаюсь на г. Новокрещенныхъ и въ зазоръ того себѣ не ставлю, не смотря на негодованіе г. Дмитриева: г. Новокрещенныхъ сообщаетъ важный документъ, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать, хотя бы критическіе приемы этого писателя и не заслуживали одобренія, съ чѣмъ я вполне согласенъ (см. мою рецензїю на брошюру г. Новокрещенныхъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, 1898 г., т. LIII, стр. 814—815.